

Э.В.Зизева

Женщина в городской герилье: гендерный вопрос и движение Тупамарос в Уругвае (1962—1972 гг.)

В 1960-х годах в Уругвае возникло Движение за национальное освобождение — Тупамарос, развернувшее в стране активную городскую герилью. Несмотря на военный характер движения, в его составе было довольно много женщин. Это говорит о привлекательности организации для политически активных девушек. Данная статья представляет собой первую в отечественной историографии попытку осветить положение женщин в рядах Тупамарос. В работе анализируются категории маскулинности и феминности в дискурсе и практике движения. Гендер рассматривается как социально обусловленный феномен. Автор выявляет основные причины вступления женщин в организацию, исследует революционную риторику группы в отношении гендерного вопроса и соотносит данную риторику с практикой. Кроме того, освещается влияние, которое оказала вторая волна феминизма на уругвайскую общественность, и выявляется отношение активистов *MLN—T* — как мужчин, так и женщин — к этому общественно-политическому течению.

Ключевые слова: Тупамарос, Новые левые, Уругвай, феминизм, герилья, левый радикализм.

DOI: 10.31857/S0044748X0012772-8

Статья поступила в редакцию 29.09.2020.

В 50-е годы XX в. Уругвай или, как его тогда называли «латиноамериканская Швейцария», был благополучной, конституционной, урбанизированной, туристической страной со стабильной экономикой. Основы процветания были заложены еще в начале XX в., когда президент Хосе Батлье-и-Ордоньес (1903—1907, 1911—1915 гг.) осуществил ряд прогрессивных преобразований в социальной, экономической и политической сферах*.

Элина Викторовна Зизева — аспирант кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (РФ, 119192 Москва, Ломоносовский пр-т, 27, корп. 4, elina.zizeva@gmail.com).

* Среди реформ того времени можно выделить расширение государственного сектора в экономике, введение 8-часового рабочего дня, всеобщего пенсионного обеспечения с 60-летнего возраста, пособия по безработице, а также бесплатное образование на всех уровнях.

В середине 1950-х годов размеренную жизнь уругвайцев нарушил экономический кризис, который повысил уровень безработицы, обесценил уругвайский песо, ударил по благополучию широких слоев населения, породив социальную нестабильность [1]. В 1960-е годы по стране прокатилась волна забастовок и демонстраций, нередко заканчивавшихся жесткими столкновениями с полицией. Ранее аполитичные группы населения присоединялись к акциям протеста. Одной из таких групп были женщины, часть которых активно вливалась в общественно-политическую жизнь. На наш взгляд, это происходило из-за общего недовольства социально-экономической ситуацией и влияния второй волны феминизма, поставившей на повестку дня вопрос о женской эмансипации.

В этот период в Уругвае существовало множество политических организаций, предлагавших место женщине в своих рядах. В левом крыле уругвайской политической системы, помимо традиционных партий, стали возникать радикальные группы, перешедшие к вооруженной борьбе. Наиболее значительной среди них было Движение за национальное освобождение—Тупамарос (*Movimiento de Liberación Nacional—Tupamaros, MLN—T*). В рядах этого движения, в отличие от других левых организаций, было довольно много женщин — порядка 25% от общего числа активистов [2, p. 70].

В 60-х — начале 70-х годов *MLN—T* совершило ряд дерзких операций, среди которых изъятие оружия из тиров и с погранзастав, экспроприация банков и казино, захват радиостанции и трансляция собственной политической программы, массовые побеги из тюрем, взрывы собственности уругвайских и североамериканских предпринимателей, захват города Пандо, а также ряд других менее значимых акций [3]. Движение фактически было разгромлено в 1972 г. после ареста большинства активистов и основных лидеров [4, pp. 130-132]. С одной стороны, *MLN—T* являлось типичным движением латиноамериканской герильи 60-х годов, мощный толчок которому дала победа Кубинской революции [5; 6]. С другой — оно выделялось среди прочих леворадикальных групп континента рядом отличительных черт.

По географическим, демографическим и экономическим характеристикам Уругвай во многом отличался от остальных стран региона, что отражалось на тактике, методах пропаганды и социальном составе *MLN—T*. Так как большая часть населения страны проживала в городах, поэтому *MLN—T* не могло развернуть широкомасштабную сельскую герилью. Соответственно, основной тактикой борьбы была избрана партизанская война в городских условиях [7, pp. 15-17].

Социальная структура движения также не была характерной для леворадикальных групп региона и выделялась на их фоне довольно высоким процентом выходцев из среднего класса, особенно среди женщин [7, p. 29]. Поэтому следует подчеркнуть, что результаты исследования, представленного в данной статье, нельзя экстраполировать на положение женщин в латиноамериканской герилье в целом. На наш взгляд, условия городской герильи и национальная специфика Уругвая сближают *MLN—T*, скорее, с такими западноевропейскими леворадикальными организациями, как Тупамарос Мюнхена (*Tupamaros München*), Тупамарос Западного Берлина (*Tupamaros West-Berlin*), Фракция Красной армии в Германии (*Rote Armee Fraktion*), Крас-

ные бригады (*Brigade Rosse*) в Италии и т.д., а не с другими латиноамериканскими партизанскими группами.

Данная статья преследует цель выявить особенности участия женщин в *MLN—T*. Объектом исследования является уругвайский социум в целом и вышеупомянутое движение в частности (60-х — начала 70-х годов). Предмет исследования — гендерные аспекты в дискурсе и практике *MLN—T*. Положение женщины-партизанки в движении рассматривается на двух уровнях — на уровне ее взаимодействия с *MLN—T* и на уровне ее восприятия уругвайским обществом. Хронологические рамки ограничиваются 1962—1972 гг., так как на это десятилетие приходится этап активной городской герильи и вооруженной борьбы *MLN—T* против укреплявшегося в стране авторитарного режима.

Методология данной работы основывается на гендерном подходе в историческом исследовании. Гендер понимается в русле феминистского постмодернизма и «рассматривается как продукт производства культурных практик и властных дискурсов*. Гендер осмысливается как постоянно производимое действие, которое конституируется через бесконечные повторения в условиях жестких структурных ограничений [8, с. 57]. Автор опирается на принципы историзма и объективности.

В отечественной латиноамериканистике движение *MLN—T* в целом изучено крайне слабо, не говоря уже об отдельных аспектах его истории. Одна из первых публикаций по этой теме — статья Е.В.Демушкиной 1974 г. [9]. Общие, обзорные сведения об *MLN—T* даны в статьях Л.А.Косичева, Г.И.Коларова, А.С.Андреева [10; 11; 12]. Некоторые особенности движения подробно рассматриваются в работах Э.В.Зизевой [13; 14; 15]. В то же время данная статья является первой в российской историографии попыткой гендерного исследования движения *MLN—T*.

В самом Уругвае вопрос об участии женщин в герилье возникает уже после падения диктатуры (1985 г.). Книги уругвайских исследователей Грасьелы Хорхе, Марисы Руис и Рафаэля Сансевьеро посвящены женщинам-политзаключенным — узницам диктатуры [16; 17]. Г.Хорхе также написала работу о побегах женщин *MLN—T* из тюрьмы [18]. Эту тему поднимала и аргентинская журналистка Хосефина Лиситра [19]. В 2011 г. вышла книга, посвященная Лусии Тополански, — одному из лидеров движения *MLN—T*, ставшей первой женщиной вице-президентом Уругвая [20].

Среди непосредственно гендерных исследований можно назвать работу североамериканского историка Линдси Черчилль, основанную на ее докторской диссертации [21; 22]. В 2011 г. вышла книга уругвайского исследователя Маурисио Кавальо, в которой рассказывается об опыте участия женщин в леворадикальной организации [23]. Особое внимание в этой работе уделяется деталям двух побегов женщин из тюрьмы Кабильдо. В последние годы были опубликованы статьи чилийской исследовательницы Тамары Видаурасага, где рассматривается положение женщин в леворадикальных организациях Южного Конуса [24; 25].

* Дискурс понимается как совокупность языковых практик, определяемых социальным контекстом [6, p.57].

Новизна данной работы заключается в попытке осветить гендерную специфику движения и выделить черты, наиболее ярко характеризующие положение и роль женщин в *MLN—T*. В статье комплексно рассматриваются факторы, определявшие особенности женского участия в движении и гендерную политику *MLN—T*. Автор ставит перед собой следующие вопросы:

- связано ли усиление политизации уругвайских женщин в целом и активисток *MLN—T* в частности в 1960-е годы, со второй волной феминизма;
- как и почему женщины вступали в *MLN—T*;
- каким образом официальный дискурс *MLN—T* характеризует женскую роль в революционном процессе;
- соответствует ли реальное положение женщин в движении гендерной риторике *MLN—T*.

***MLN—T* И ФЕМИНИЗМ**

Активный период леворадикальной деятельности *MLN—T* приходится на 1960-е — начало 1970-х годов, что хронологически совпадает с распространением второй волны феминизма. Если учесть высокий уровень эмансипации активисток движения, о котором речь пойдет ниже, то встают логичные вопросы: повлияла ли как-то вторая волна феминизма на участниц *MLN—T*; как в целом организация относилась к феминизму?

В 1949 г. в Париже была опубликована книга французского философа Симоны де Бовуар «Второй пол» [26]. В ней рассматриваются изменения в положении женщины на протяжении истории и анализируются биологические, социальные и антропологические аспекты угнетения женщин. В патриархальной атмосфере послевоенной Европы книга прогремела, как гром среди ясного неба. «Этот труд разбил лед молчания, окружавшего женский опыт, и позволил многим женщинам увидеть мир в новом свете» [27, с. 165].

Книга С. де Бовуар способствовала возникновению второй волны феминизма, отличавшейся разнообразием идейных направлений. Одним из наиболее влиятельных течений в этот период был либеральный феминизм, ключевым произведением которого стала книга американской писательницы Бетти Фридан «Загадка женственности» [28]. В этой книге Б.Фридан фактически призывала женщин не ограничивать себя бесконечными домашними обязанностями и активно включаться в общественную жизнь. «Загадка женственности» была опубликованная в 1963 г. и имела огромную популярность — только в Америке и Великобритании было продано более миллиона экземпляров [27, с. 169].

Распространение феминистской литературы в капиталистических странах, с одной стороны, вызвало подъем общественного интереса к гендерным вопросам на Западе, а с другой — оказало влияние на женщин и способствовало их вовлечению в политику. Феминистского движения как такового в Уругвае 1960-х годов не было, оно возникло только после падения диктатуры [29; 30]. Тем не менее вторая волна феминизма не обошла стороной и эту страну [31, p. 132].

В 1960-е годы в Уругвае возник ряд женских объединений, куда входили преимущественно представительницы среднего класса*. Члены этих организации устраивали мирные акции протеста и тогда еще не преследовали целей женской эмансипации: их участницы выступали за освобождение политических заключенных (как правило, мужей или сыновей), прекращение политического насилия и решение экономических проблем [21, pp. 125-131]. В эти же годы возрастает количество женщин, получавших университетское образование. В 1963 г. 41% университетских студентов составляли девушки, многие из которых принимали активное участие в студенческих протестах 1967—1968 гг. [32, p. 101].

Уругвайские левые и *MLN—T* в их числе негативно воспринимали феминизм, считая его буржуазной теорией [21, p. 120]. Мы можем выделить следующие черты, характеризующие отношение *MLN—T* к феминизму как к общественно-политической доктрине.

Члены *MLN—T* полагали, что феминизм игнорировал классовый подход и представлял преимущественно интересы женщин из среднего класса. Как и другие левые, это движение критиковало феминизм как буржуазную или мелкобуржуазную теорию, которая только отвлекает общественные силы от истинной цели — борьбы за осуществление социалистической революции [33, p. 201]. Устоялось мнение, что истинного равноправия полов можно достичь исключительно в социалистическом обществе, а причины угнетения женщин кроются в капиталистических отношениях. Политически активные женщины левых взглядов, в том числе партизанки *MLN—T*, так же, как и мужчины, признавали незначительность феминизма в иерархии освободительных движений [22, p. 120].

Причин придерживаться таких позиций у левых было много. Во-первых, потребительские ценности, навязываемые обществу капиталистической системой производства с целью постоянного сбыта производимой продукции, проецировались на частную жизнь, усиливая объективизацию женщин. Во-вторых, капиталистический рынок труда вызывал конкуренцию за рабочие места между различными группами наемных рабочих (например, различной национальности, расы или пола), тем самым порождая как межнациональные конфликты, так и так называемую войну полов. В-третьих, мизерная заработная плата низших слоев населения вызывала конкуренцию за нищенские ресурсы в семьях рабочих. Это порождало конфликты и закрепляло патриархальные формы семейных отношений. Мы не будем подробно останавливаться на вопросе взаимосвязи капиталистического и патриархального угнетения женщин. Эта тема требует отдельного глубокого исследования, явно выходящего за рамки статьи.

MLN—T позиционировало себя как национально-освободительное движение против американского империализма и местной олигархии. Национальный ха-

* Среди этих организаций можно назвать Национальное женское движение за мир и справедливость (*Movimiento Nacional Femenino por la Justicia y La Paz*), куда преимущественно входили домохозяйки из среднего класса; Женский национальный комитет Левого фронта (*El Comité Nacional Femenino del Frente Izquierda*); Национальный женский конгресс Христианско-демократической партии (*Congreso Nacional Femenino del Partido Demócrata Cristiano*) [19, pp. 125-131].

рактик движения не вызывает сомнений, он отразился и в самом его названии. Активисты этой организации видели себя продолжателями дела Хосе Артигаса — национального героя, боровшегося за независимость Соединенных провинций Рио-де-ла-Платы (будущего Уругвая) от Испании [34].

MLN—T воспринимало Уругвай как прогрессивную, интеллектуальную страну, с неглубоким социальным расслоением. Члены движения считали, что их страна по социальному, экономическому, политическому и культурному уровню развития, скорее, ближе к европейским странам, нежели к латиноамериканским [33, р. 124]. Обращаясь к истории уругвайской демократии, леворадикалы утверждали, что уругвайская женщина уже занимает в обществе достойное положение, куда более прогрессивное, чем в других странах Латинской Америки*. Таким образом, отчасти из-за веры в уругвайскую исключительность, многие члены *MLN—T* не считали нужным всесторонне критиковать ограничения прав женщин в культурной и социальной сферах.

Исследовательница истории *MLN—T* Линдси Черчилль утверждает, что активистки движения также негативно воспринимали феминизм. Причины этой неприязни она видит, в том числе, в национальном факторе — в том, что «левая уругвайская печать представляла протест женщин в Европе и Северной Америке как нечто чуждое для Уругвая и латиноамериканского континента» [22, р. 120]. Однако, на наш взгляд, на это мог влиять не только национальный фактор или отрицательное отношение левых к феминизму. Многие бывшие тупамарас** свидетельствуют, что с раннего детства очень остро реагировали на социальную несправедливость и часто видели ее проявления в современном им обществе [17, pp. 36-43]. В то время как феминизм предполагал борьбу за освобождение исключительно женщин и игнорировал не связанные с патриархатом формы угнетения, тупамарас боролись за освобождение всех угнетенных и эксплуатируемых, без различия их пола, расы или национальности.

Будучи во многом эмансипированными женщинами, партизанки считали себя уже «освобожденными» [22, р. 120]. Тупамарас видели в феминизме «снобистское» движение женщин из среднего класса, которое было неспособно предложить радикальное решение проблемы общественного, политического и экономического угнетения [33, р.169]. Активное участие в герилье позволяло активисткам *MLN—T* выражать свою политическую позицию и чувствовать свою «исключительность» [33, р. 212]. Эта идея превосходства частично влияла на тупамарас и заставляла их верить, что они далеки от «тривиальных проблем» среднестатистической женщины из среднего класса.

Скорее всего, такое немного пренебрежительное отношение к другим женщинам, как и маскулинизация***, о которой речь пойдет ниже, могло диктоваться внутренней мизогинией. Внутренняя мизогиния — явление,

* С 1907 г. женщины в Уругвае получили право на развод [29, р.131], в 1932 г. — право голоса, в 1946 г. был принят закон о гражданских правах женщины; аборт был легализован между 1934—1938 гг. [15, с.52].

** Тупамарас: здесь и далее — женщины — активистки движения *MLN—T*.

*** Маскулинизация — осознанное или неосознанное стремление женщины брать на себя модели поведения мужчин и демонстрировать качества, традиционно характерные для противоположного пола.

довольно широко распространенное в обществах с сильными патриархальными установками. Она проявляется, когда женщины транслируют неприязнь к представительницам своего пола и хотят дистанцироваться от них. Мизогинные установки вызваны нежеланием ассоциироваться со стереотипами, которое патриархальное общественное сознание приписывает женщинам. Критическое отношение к феминизму девушек-тупамарас также, вероятно, было вызвано общественными предубеждениями, которые рисуют феминисток неудовлетворенными непривлекательными женщинами, не реализовавшимися в личной жизни. Тем не менее вступление в *MLN—T*, борьба за социалистические преобразования, возможность выразить свою политическую позицию являлись для уругвайских женщин способом вырваться из навязываемых обществом патриархальных уз.

РЕВОЛЮЦИОННАЯ РИТОРИКА *MLN—T* О РОЛИ ЖЕНЩИНЫ

Обращаясь к вопросу о гендерном дискурсе *MLN—T*, необходимо обратить внимание на специфику источников по данной проблематике. Будучи подпольной, конспиративной организацией, *MLN—T* уничтожало большинство документов периода герильи [35, p. 228]. В сохранившихся и опубликованных после падения диктатуры материалах вопрос об участии и роли женщин в революционном процессе не поднимался*. Это свидетельствует о том, что в 60-е годы уругвайские леворадикалы не уделяли особого внимания данному аспекту. Для реконструкции дискурса *MLN—T* мы использовали официальные документы более позднего периода.

В 1986 г. участники движения выпустили книгу «*Actas Tupamaras*» («Акты Тупамарос») [3]. Это — сборник воспоминаний и рассказов об основных операциях, осуществленных партизанами. Фактически эта книга стала первым документом *MLN—T*, в котором серьезно рассматривается гендерный вопрос. Вторая глава книги посвящена роли женщины в движении: «Женщина — это такой же боец, у которого есть все возможности для поддержки революции. Не без преодоления внутренних противоречий *MLN* предлагает сегодня место женщине в своих рядах. Мы делаем это без предубеждений и исключительно с целью максимально способствовать развитию революционного процесса» [3, p. 23].

Активисты *MLN—T* — как мужчины, так и женщины — выросли в обществе с определенной культурой и системой ценностей, которая, безусловно, влияла на их мировоззрение и поведение. Тупамарос прекрасно это осознавали. В своих внутренних документах они не раз подчеркивали необходимость бороться с буржуазными предрассудками, навязанными им в процессе воспитания: «*MLN* — это школа, где все мы занимаемся саморазвитием с целью внести максимальный вклад в борьбу и создать новое общество. Мы — выходцы из определенного социума, поэтому нашему сознанию присущи определенные рода искажения. В движении должна

* Reglamento del MLN-Tupamaros (1966), Documento N 1 (junio, 1967), Documento N 2 (enero, 1968), Documento N 3 (mayo, 1968), Documento N 4 (enero, 1969), Manifiesto a la opinión pública (1970) [36, pp. 228-297]; Documento N 5 (julio, 1971), Programa del gobierno revolucionario de los Tupamaros (1971) [2, pp. 407-454].

постоянно вестись борьба против этих искажений. Каждый товарищ должен воспитывать в себе человека будущего» [37, р. 251]. «Необходимо бороться с идеями, которые мы выносим из старого общества. Неважно, проявляются ли они у нас самих или у наших товарищей... Мы должны быть готовы меняться» [37, pp. 252-253]. Задачи борьбы с пережитками буржуазного воспитания *MLN-T* возлагает и на женщин-партизанок [3, р. 24].

В «*Actas Tupamaras*» *MLN-T* признает, что общество навязывает женщине определенную роль и воспитывает ее для этой роли. Повседневные домашние обязанности подавляют «в женщине креативность, инициативу и даже агрессию» [3, р. 23]. Чтобы вступить в ряды революционной организации, женщина должна «порвать с воспитанием и культурой, которые сделали из нее пассивную наблюдательницу исторических событий, вершимых мужчинами» [3, р. 23]. Согласно официальной позиции организации, предполагается, что женщина-революционерка должна, во-первых, быть готовой отказаться от буржуазных ценностей, навязанных ей всей системой уругвайского общества, а, во-вторых, встав на путь революционной борьбы, бороться с недостатками своего воспитания, чтобы принести максимальную пользу революции [3, р. 23].

Очерчивая круг революционных задач, с которыми может справиться женщина, *MLN-T* выделяют следующие:

— работа по прикрытию мест подпольных собраний. Женщина может отвести подозрение от мест подпольных собраний. Она может поддерживать контакты с соседями, выявляя среди них сторонников или же противников организации, узнавать настроения в конкретном районе города и в целом способствовать усилению безопасности;

— логистика и поддержка инфраструктуры. Выполняя задачи такого рода, женщины могут применять знания, приобретенные на фабриках, в университетах и т.д.;

— в командах прямого действия, осуществляющих непосредственные вооруженные акции, женщина могла участвовать на всех этапах — планирования, подготовки и собственно реализации задуманного. По мнению членов *MLN-T*, женщинам легче добраться до труднодоступных и охраняемых мест, они внимательны к мелочам и дисциплинированы;

— в политической работе. Здесь тупамарас могут: выполнять функции политического просвещения как внутри организации, так и при работе с широкими массами; выступать в качестве политического наставника для тех, кто только вступил в организацию;

— моральная поддержка товарищей [3, pp. 23-27].

Мы видим, что в целом официальный дискурс *MLN-T* в отношении женщин был довольно прогрессивен для своего времени. Движение признавало важность женщины для революционного процесса. Тем не менее прагматичность стояла на первом месте, поэтому *MLN-T* требовало от женщин соблюдения правил организации и дисциплины.

ПРИЧИНЫ ВСТУПЛЕНИЯ ЖЕНЩИН В *MLN-T*

Почему же уругвайские женщины, воспитанные в довольно патриархальном духе, решались вступить в военную подпольную революционную организацию? В целом можно выделить следующие причины.

Во-первых, девушки присоединялись к движению по тем же причинам, что и мужчины. В исследовании, выполненном уругвайской правозащитной организацией «Служба мира и справедливости» (*Servicio Paz y Justicia, SERPAJ*) показано, что из данных, полученных во время ареста, следует, что 35% тупамарас имели университетское образование; 24% занимали административные должности; 13% имели постоянную работу; 12% были студентками и только 2% — домохозяйками. При этом только 29% женщин состояли в браке, по сравнению с 62% мужчин [38, pp. 327-334]. Опираясь на эти статистические данные, можно предположить, что большинство участниц *MLN—T* были довольно эмансипированными женщинами, имевшими собственные политические взгляды.

Почти половина женщин в движении или имели, или получали высшее образование. Исходя из личных убеждений, они хотели бороться против установившейся авторитарной диктатуры за осуществление социалистических преобразований в стране [33, pp. 213-214]. Выбор девушек в пользу *MLN—T* мог быть обусловлен тем, что в общественном мнении это движение представлялось группой, установившей равноправные отношения между мужчинами и женщинами и предоставлявшей женщинам относительно широкие возможности для осуществления политической деятельности [4, p. 43]. Вероятно, активистки движения также не были удовлетворены легальными методами борьбы, и тактика прямого действия представлялась им наиболее эффективной.

Во-вторых, другой важной причиной вступления женщин в *MLN—T* можно назвать особенности семейного воспитания. С одной стороны, прогрессивные взгляды на гендерные роли в семьях будущих тупамарас влияли на мировоззрение девушек и способствовали их вступлению в организацию. «Часто матери будущих тупамарас ставили под сомнение патриархальные взгляды своих мужей в отношении социальных ролей мужчины и женщины» [22, p. 121]. С другой стороны, вступление девушек в организацию могло быть вызвано протестом против патриархального диктата, который они наблюдали в своих семьях. Вместо выполнения традиционных женских ролей девушки — члены *MLN—T* стремились культивировать свой политический активизм. Многие тупамарас сообщали, что они надеялись присоединиться к вооруженной борьбе, и это спасло бы их от «кухонного рабства» — готовки, уборки и воспитания детей [22, p. 121]. Еще одним важным моментом является то, что многие из этих девушек происходили из семей, где активно интересовались политическими вопросами или же члены которых состояли в каких-либо политических организациях [17, p. 32].

В-третьих, нельзя игнорировать факт того, что вступление в организацию некоторых девушек было обусловлено их романтическими привязанностями, партнерскими или семейными отношениями с мужчинами-активистами. Часто девушка вступала в движение, поскольку в нем состоял ее молодой человек или муж [2, p. 70, 73]. Романтические отношения в *MLN—T*, с одной стороны, укрепляли верность пары движению, но, с другой стороны, угроза ареста, пыток, гибели усиливала страх за партнера и совместное будущее.

В-четвертых, желание эмансипации также часто являлось причиной вступления в движение, особенно среди девушек младшего поколения. Тупамарас, демонстрировавшие приверженность принципам радикальной политической идеологии и осуществлявшие ее на практике, бросали вызов

традиционным патриархальным устоям. С ростом популярности *MLN—T* в Уругвае многие девушки помладше восхищались партизанками, так как те представлялись им образцом свободной, эмансипированной женщины.

«Я вспоминаю немое восхищение, которое многие из нас испытывали к нашим легендарным старшим сестрам. Они не боялись пуль и хотели установить новый порядок. Они воплощали новый путь бытия женщины, не ограниченный рамками домашнего хозяйства и замужества, детьми, семейными обязательствами, рутинной школьного образования, работой и уплатой счетов. Тупамарас казались такими свободными по сравнению с нами — девчонками, которые пытались найти себя, приспособившись к окружающей среде. Это очень подавляло» [39, р. 99].

Девушка из движения *MLN—T* стала чем-то вроде мифологической фигуры. Необычайно популярный в тот период уругвайский фолк-исполнитель и общественный деятель Даниэль Виглиетти, творчество которого получило международное признание, написал песню, посвященную тупамарас. В этой песне он поет о молодой девушке-партизанке как о товарище, бойце. Он восхищается ее храбростью, цельностью ее личности. После того, как правительство запретило использовать слово «тупамарас», многие слова в песне пришлось заменить, в том числе и само первоначальное название на *Muchacha* («Девушка») [33, р. 149]. Эта песня немало способствовала популяризации и романтизации образа партизанки.

Если говорить об основных путях вступления женщин в организацию, то можно выделить следующие.

Большинство тупамарас с ранних лет активно участвовали в общественных организациях [17, pp. 36-38]. В ширившихся в 1960-е годы профсоюзном и студенческом движениях, а также в христианских общественных организациях женщины играли довольно заметную роль. Участие в этих движениях часто в итоге приводило девушек в *MLN—T*, которое предлагало более радикальные варианты решения социальных проблем [2, р. 70; 17, pp. 36-39].

Другим распространенным способом вступления в *MLN—T* было посредничество родственников, знакомых или возлюбленных. В частности, бывшая активистка движения и узница диктатуры Гарсиа Дри вспоминает: «Я выросла в социалистическом окружении. Мой дедушка состоял в Социалистической партии, поэтому у меня всегда были контакты в этой среде. Моя мама с ранних лет была членом соцпартии, и поэтому я была лично знакома со многими товарищами, которые основали *MLN*» [17, р. 35].

ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИН В *MLN—T*

Рассмотрим, отличалось ли на практике положение женщины в движении от публично заявленного. В связи с конспиративным характером *MLN—T* и целенаправленным уничтожением рабочих документов, особое значение для исследования приобретают источники личного характера. Одной из ключевых работ по данной теме является книга бывшей активистки движения, уругвайского социолога Аны Марии Араухо, эмигрировавшей во Францию после установления диктатуры [33]. В книге собраны свидетельства и рассказы бывших тупамарас об их участии в организации.

Официальные правительственные документы, публикации и материалы о репрессированных содержат по большей части информацию о периоде диктатуры, который выходит за хронологические рамки данной статьи.

Будучи революционной организацией военно-политического характера, *MLN—T* стремилась к жесткой дисциплине, решению и подготовке конкретных партизанских операций, что требовало прагматичности. В связи с этим ограничения, накладываемые на членов движения мужского пола, распространялись и на девушек. В целом то, что было заявлено «*Actas Tupamaras*» отражало реальную ситуацию.

Как правило женщины в *MLN—T* занимались логистикой и инфраструктурой. «Эти задачи были крайне важны и ранжировались от фотографа, который делал фотографии для фальшивых паспортов, до врачей, ответственных за жизнь раненых» [21, р. 135]. Кроме того, женщины занимались поиском и обустройством мест для подпольных собраний, разведывали обстановку в районе дислокации ячейки, покупали еду, оружие и пр.

Британский посол Джеффри Джексон, который был захвачен *MLN—T* и провел около 250 дней в «народной тюрьме», имел возможность наблюдать за отношениями активистов внутри движения. Он написал две книги воспоминаний о своем заточении, из которых мы можем почерпнуть, в том числе, и сведения о распределении гендерных ролей в группе [40; 41]. В частности, Дж. Джексон свидетельствовал, что несмотря на революционную риторику в отношении женщин, в *MLN—T* гендерные роли нередко распределялись в традиционном ключе. Так, девушки-активистки шили одежду и другие вещи для партизан и часто готовили еду для самого Джексона [41, р. 136]. Данное положение вещей, на наш взгляд, было вызвано с глубоко укорененными в общественном сознании представлениями о гендерных ролях.

Девушек также привлекали к участию в военных операциях. Например, в 1970 г. боевики *MLN—T* проникли в Центр военно-морской подготовки в портовом районе Монтевидео и экспроприировали несколько сотен единиц стрелкового оружия. В акции участвовали 20 мужчин и 2 женщины [42, р. 1]. Однако нередко женщинам поручали и особые роли. Пользуясь тем, что уругвайские полицейские были заложниками своего патриархального сознания, девушкам-тупамарас удавалось легче проникать на те или иные закрытые объекты, так как они вызывали меньше подозрений. Женщины могли пронести оружие в сумочках или под одеждой [21, р. 135]. Одевшись как обычная женщина, партизанка легко обводила полицию вокруг пальца. Дж. Джексон свидетельствует, что его охрана состояла как из мужчин, так и из женщин. Однажды он стал свидетелем шокировавшей его сцены — увидел, как молодая девушка вместе со своими товарищами ловко собирала и разбирала оружие [41, р. 77]. На посла, придерживавшегося патриархальных взглядов, эта сцена произвела неизгладимое впечатление.

Именно владение оружием было фактом, который уравнивал в правах мужчину и женщину. Практически во всех работах, где речь идет о женщинах в структурах *MLN—T* [21; 22; 24; 25; 32; 43], приводится знаменитая цитата из интервью одного из руководителей движения. Когда журналист попросил его охарактеризовать положение женщин в организации, он сказал, что «никто так не равен мужчине, как женщина с пистолетом 45 калибра», имея в виду, что вооруженная борьба стирает различия между полами

[43, p. 319]. Затем он рассказал об операции «Голубка» [3, pp. 195-201] — побе- ге женщин из тюрьмы в Монтевидео, после которой появилась фотография сбежавших девушек с подписью «На самом деле без них невозможно осу- ществить революцию» [24, pp. 1-2]. Члены *MLN—T* активно использовали эту фотографию в пропагандистских целях, так как она, с одной стороны, демонстрировала ловкость и ум партизанок, а с другой — давала возмож- ность поиздеваться над беспомощностью правительства и тюремных надзирателей. После публикации фотографии в СМИ уругвайцы шутили, что из местной тюрьмы могут сбежать даже женщины [22, p. 134].

Другим ограничением для женщин являлся фактический запрет на участие в организации беременных. Как только этот факт становился заметным, женщи- ну, как правило, исключали из ячейки на длительный срок [33, pp. 162, 200]. Часто это происходило по просьбе ее партнера, также состоявшего в *MLN—T* [33, p. 223]. На самом деле, если парень или муж девушки состоял в организа- ции, их отношения часто затмевали ее индивидуальную идентичность. Ее часто не воспринимали как отдельного полноценного бойца и отзывались о ней, как о девушке того или иного активиста [21, p. 136].

Ярким свидетельством ограничения прав женщин, является тот факт, что на руководящих должностях в организации их было крайне мало. Высший орган *MLN—T* — Исполнительный комитет — полностью состоял из мужчин [15, p. 295]. Женщины могли занимать руководящие должности среднего звена, но и тут их было не очень много [17, p. 51]. М.Руис пишет, что «женщины с наибольшим влиянием, занимавшие руководящие должно- сти, казалось либо не замечали, либо не придавали значения сексизму в органи- зации. Это свидетельствовало об их ассимиляции в доминантной среде и об от- казе использовать политическую власть для борьбы с гендерной дискримина- цией» [17, p. 51]. Некоторые бывшие тупамарас утверждают также, что часть женщин получили руководящие позиции благодаря романтическим связям с лидерами мужского пола [21, p. 156].

Другой особенностью участия девушек в движении была маскулиниза- ция. Чтобы вступить в военно-политическую группу, девушка должна бы- ла обладать качествами, которые традиционно приписывались мужчи- нам, — «силой, храбростью, ловкостью, эмоциональной уравновешенно- стью, стойкостью перед материальными трудностями, чувством товарище- ства» [24, p. 10]. Бывшая участница движения Селесте Серпа указывает, что идея о гендерном равенстве при использовании оружия была «маску- линизацией, осознанно или неосознанно осуществляемой бойцами. Воз- можно, это был инструмент, позволяющий завоевать уважение в организа- ции». Она говорит, что девушки, использовавшие мужские модели поведе- ния, быстро продвигались в движении [44, p. 322].

Еще одним элементом маскулинизации были требования к одежде. В частности, девушкам запрещалось носить вызывающие наряды, мини- юбки, обувь на высоких каблуках или модной тогда платформе. Участие в партизанской организации требовало гендерной «нейтрализации» одежды [24, pp. 11-12]. Одна тупамара так отзывалась о своей роли в движении: «От вас требовали разделять маскулинные ценности, дефеминизировать себя во всех сферах, подавлять традиционные гендерные стереотипы и ценности, но — без альтернативы» [33, p. 217]. Мария Хосефина Сальда-

нья-Портильо указывает, что такого рода «революционный универсализм» позволял впитать гендерные различия и обещал настоящее, насколько это возможно, равенство [45, р. 58].

Можно предположить, что запрет на участие в боевых акциях беременным, запрет на ношение определенной одежды, маскулинизация были обусловлены военным характером движения, необходимостью соблюдения дисциплины и прагматичным подходом в решении поставленных задач. Однако нельзя утверждать, что *MLN—T* являлись гендерно равноправной организацией. В частности, как в уругвайском обществе, так и в рядах самого *MLN—T*, бытовали два стереотипа о партизанках. С одной стороны, их представляли в виде непривлекательных маскулинных женщин-солдат и, возможно, лесбиянок. С другой — как опасных и соблазнительных шпионок, своего рода *femme fatale*, образ которых навязывался голливудскими фильмами, в первую очередь, о Джеймсе Бонде [21, р. 138; 33, р. 216].

Подлинным гендерным равенством являлось равенство перед репрессиями [46, р. 136]. «Пытка, тюрьма, смерть были потенциальной реальностью для любого участника движения, даже для тех, кому поручали не особо ответственные задания. Это был риск, на который шли и мужчины, и женщины» [24, pp. 13-14]. Таким образом, мы видим, что несмотря довольно прогрессивную риторику о гендерном равноправии, на деле существовали факторы, ограничивавшие возможности участия женщин в организации.

Несмотря на то, что *MLN—T* не смогло полностью преодолеть присущую тогдашнему уругвайскому обществу патриархальность, оно являлось организацией, которая предоставляла уругвайским женщинам наибольшие возможности для политического и личного самовыражения. Фактически революционное движение подвергло сомнению традиционный общественный стереотип восприятия женщин как жен, матерей и хранительниц домашнего очага. Женщина в *MLN—T* становилась бойцом — партизанкой, которая умела обращаться с оружием, наравне с мужчинами подвергалась огромному риску и боролась за общее дело — социалистическую революцию. Предоставляя женщинам платформу для политического самовыражения, уругвайские леворадикалы долгое время не выдвигали отдельных лозунгов за их эмансипацию. Они считали, что реальное освобождение возможно только после осуществления социалистической революции.

Усилению роли уругвайских женщин в общественно-политической жизни в 1960-е годы способствовали не только особенности внутривнутриполитического и экономического развития страны, но и вторая волна феминизма, поставившая на повестку дня вопрос о женской эмансипации. Большинство женщин, вступавших в *MLN—T*, были весьма эмансипированными, имели высшее образование и по профессиональным качествам часто превосходили своих товарищей противоположного пола. Это, с одной стороны, говорит о привлекательности движения для образованных уругвайских женщин, а, с другой — о прогрессивных взглядах мужчин — активистов движения, не боявшихся видеть рядом с собой умных и талантливых девушек. Однако нельзя говорить об абсолютном равноправии полов в движении. На наш взгляд, частичное сохранение гендерных предубеждений в организации было вызвано глубоко укоренившимися в

общественном сознании патриархальными конструктами, с которыми революционеры пытались бороться как с буржуазными предрассудками. Кроме того, ряд ограничений объяснялся прагматичным подходом к осуществлению военных операций.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Зизева Э.В. От демократии к военной диктатуре: экономический и политический кризис в Уругвае (вторая половина 1950-х — 1973 г.). *Человеческий капитал*. М., 2019, №3, сс. 30-37 [Zizeva E.V. Ot demokratii k voennoy diktature: ekonomicheskiy i politicheskiy krizis v Urugvae (vtoraya polovina 1950-h — 1973) [From Democracy to Military Dictatorship: the economic and political crisis in Uruguay (the second half of 1950s — 1973)]. *Chelovecheskiy kapital*. Moscow, 2019, N3, pp. 30-37 (In Russ.).
2. Bordas Martínez J. Tupamaros: Derrota militar, doble metamorfosis política y victoria judicial y electoral. [Tesis doctoral]. Madrid, 2014, 518 p.
3. Actas tupamaras. Rosario, Cusaña, 2003, 288 p.
4. Labrousse A. The Tupamaros. Urban Guerrillas in Uruguay. Victoria, Penguin Books, 1973, 169 p.
5. Хейфец В.Л., Хейфец Л.С. Между Гаваной и Москвой: Кубинская революция и раскол латиноамериканских левых по вопросу о партизанской борьбе. *Новая и новейшая история*. М., 2018, № 6, сс. 52-67. [Jeifets V., Jeifets L. Mezhdub Gavanoj i Moskvoj: Kubinskaja revoljucija i raskol latinoamerikanskih levyh po voprosu o partizanskoj bor'be [Between Havana and Moscow: the Cuban Revolution and the split in the Latin American lefts on the question of guerrilla warfare]. *Novaja i novejšaja istorija*. Moscow, 2018, N 6, pp. 52-67.
6. Jeifets V., Jeifets L. ¿Moscú, Beijing o La Habana? Los conflictos dentro de la izquierda latinoamericana en torno a la lucha insurreccional. *Izquierdas*. Santiago de Chile, 2020, N 49, pp. 2752-2776.
7. Porzecanski A.C. Uruguay's Tupamaros: the Urban Guerrilla. N.Y., Praeger Publishers, 1973, 81 p.
8. Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. 12 лекций по гендерной социологии. СПб., Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015, 768 с. [Zdravomyslova E.A., Tjomkina A.A. 12 lekcij po gendernoj sociologii [12 lectures on gender sociology]. SPb., Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2015, 768 p.
9. Демушкина Е.В. «Тупамарос» или «Движение за национальное освобождение» Уругвая (1962-1972 гг.). *Латинская Америка*. М, 1974, № 1, сс. 111-126 [Demushkina E.V. "Tupamaros" ili "Dvizhenie za natsional'noe osvobozhdenie" Urugvaya (1962-1972) ["Tupamaros" or "The National Liberation Movement" of Uruguay (1962-1972)]. *Latinskaya Amerika*. Moscow, 1974, N 1, pp. 111-126. (In Russ.).
10. Косичев Л.А. Честь генерала. Жизнь и борьба Либеры Сереньи. *Латинская Америка*. М, 2017, № 7, сс. 81-97. [Kosichev L.A. Chest' generala. Zhizn' i bor'ba Libera Seren'i [Honour of the General. The life and the struggle of Liber Seregni]. *Latinskaya Amerika*. Moscow, 2017, N 7, pp. 81-97.
11. Коларов Г.И. Городская «герилья» в Латинской Америке: «Тупамарос» и «Монтонерос». *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. М, 2013, № 1, сс. 43-49 [Kolarov G.I. Gorodskaja «geril'ja» v Latinskoj Amerike: «Tupamaros» i «Montoneros» [The urban guerrilla in Latin America: "Tupamaros" and "Montoneros"]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Politologija*. Moscow, 2013, N 1, pp. 43-49.
12. Андреев А.С. Насилие в политической практике и идеологии коммунистической партии Уругвая. *Латиноамериканский исторический альманах*. М, 2019, № 21, сс. 85-107 [Andreev A.S. Nasilie v politicheskoj praktike i ideologii kommunisticheskoj partii Urugvaja [Violence in political practice and ideology of the Communist Party of Uruguay]. *Latinoamerikanskiy istoricheskij al'manah*. Moscow, 2019, N 21, pp. 85-107.
13. Зизева Э.В. Ключевые вехи становления организации Тупамарос в Уругвае (1961-1965). *Вестник Московского университета. Серия 8: История*. М, 2020, № 2, сс. 143-160 [Zizeva E.V. Ključevye vehi stanovlenija organizacii Tupamaros v Urugvae (1961-1965) [Key Milestones in the Formation of the Tupamaros Organization in Uruguay (1961-1965)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 8: Istorija*. Moscow, 2020, N 2, pp. 143-160.
14. Зизева Э.В. Влияние анархо-синдикалистских идей на Движение за национальное освобождение — Тупамарос в Уругвае (1962-1973). *Латинская Америка*. М, 2020, № 7, сс. 68-78 [Zizeva

E.V. Vlijanie anarho-sindikalistskih idej na Dvizhenie za nacional'noe osvobozhdenie — Tupamaros v Urugvae (1962-1973) [The impact of anarcho-syndicalist ideas on the Tupamaros National Liberation Movement (1962-1973)]. *Latinskaja Amerika*. Moscow, 2020, N 7, pp. 68-78.

15. Зизева Э.В. Организационная структура Движения за национальное освобождение Тупамарос в Уругвае (1965-1972). *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история*. М., 2020, № 3, сс. 292-301. [Zizeva E.V. Organizacionnaja struktura Dvizhenija za nacional'noe osvobozhdenie Tupamaros v Urugvae (1965-1972) [Organizational structure of the Tupamaros National Liberation Movement in Uruguay (1965–1972)]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Vseobshhaja istorija*. Moscow, 2020, N 3, pp. 292-301.

16. Jorge G., Díaz N. Maternidad en prisión política: Uruguay, 1970-1980. Barcelona, AsF, 2011, 263 p.

17. Ruiz M., Sanseviero R. Las rehenas. Historia oculta de la dictadura. Montevideo, Editorial Fin de Siglo, 2012, 574 p.

18. Jorge G. Historia de 13 Palomas y 38 Estrellas. Fugas de la cárcel de mujeres. Montevideo: TAE, 1994, 147 p.

19. Licitra J. 38 estrellas. La mayor fuga de una cárcel de mujeres de la historia. Barcelona: Editorial Planeta, 2020, 190 p.

20. Caula N., Silva A. Ana la guerrillera: una historia de Lucía Topolansky. Montevideo, EBO, 2011, 206 p.

21. Churchill L. Becoming the Tupamaros. Solidarity and Transnational Revolutionaries in Uruguay and the United States. Nashville, Vanderbilt University Press, 2014, 206 p.

22. Churchill L. Imagining the Tupamaros: Resistance and Gender in Uruguayan and U.S. Revolutionary Movements, 1960s-1980s. [PhD thesis]. Florida State University, 2010, 168 p.

23. Cavallo Quintana M. Guerrilleras. La participación femenina en el MLN-T. Montevideo, Arca editorial, 2011, 137 p.

24. Vidaurrázaga Aránguiz T.A. ¿Somos iguales detrás de una 45? La participación femenina en el MLN-T uruguayo. *Athenea Digital*. Barcelona, 2019, N 19(3), pp. 1-24.

25. Vidaurrázaga Aránguiz T.A. Subjetividades sexo genéricas en mujeres militantes de organizaciones político-militares de izquierda en el Cono Sur. *La ventana*. N 41, pp. 7-34.

26. Бовуар С. Второй пол. СПб., Азбука, Азбука-Аттикус, 2019, 928 с. [Beauvoir S. Vtoroy pol [The Second Sex]. Moscow, Azbuka, Azbuka-Attikus, 2019, 928 p.

27. Брайсон В. Политическая теория феминизма. Введение. М., Идея-Пресс, 2001, 304 с. [Bryson V. Politicheskaya teorija feminizma. Vvedenie [Feminist Political Theory: an Introduction]. Moscow, Idea-Press, 2001, 304 p.

28. Friedan B. The Feminine Mystique. N.-Y., W.W. Norton, 1963, 239 p.

29. De Giorgi A.L. Democracia en el país y en la casa. Resignificaciones de la democracia desde el feminismo de izquierda en el Uruguay de los ochenta. *Historia y problemas del siglo XX*. 2019, N 10, pp. 101-117.

30. De Giorgi A.L. Nosotras. Entre defender lo propio y avanzar a la amplitud: feminismo, izquierda y democracia en el Uruguay de los 80. *Revista Novos Rumos Sociológicos*. 2019, N11(7), pp. 137-168.

31. Pedro J.M. Narrativas do feminismo em países do Cone Sul (1960-1989). *Gênero, feminismos e ditaduras no Cone Sul*. Florianópolis, Ed. Mulheres, 2010, pp. 115-138.

32. Sapriza G. Memoria y memorias de mujeres en el relato de la dictadura (Uruguay 1973-1985). *Gênero, feminismos e ditaduras no Cone Sul*. Florianópolis, Ed. Mulheres, 2010, pp. 94-114.

33. Araújo A.M. Tupamaras. Des femmes de l'Uruguay. París, Des Femmes, 1980, 290 p.

34. MLN-T. El Artiguismo y el Movimiento de Liberación Nacional (Tupamaros). Octubre, 1975. Available at: <https://mln-tupamaros.org.uy/sites/default/files/2020-06/el-artiguismo-y-el-mln-t.pdf> (accessed 05.09.2020).

35. Documento № 1, junio 1967. Harari J. *Contribución a la historia del ideario del M.L.N. Tupamaros*. Montevideo, Editorial Plural, 1987, pp. 228-246.

36. Harari J. Contribución a la historia del ideario del M.L.N. Tupamaros. Montevideo, Editorial Plural, 1987, 442 p.

37. Documento № 2, primer trimestre de 1968 (II Convención Nacional). Harari J. *Contribución a la historia del ideario del M.L.N. Tupamaros*. Montevideo, Editorial Plural, 1987, pp. 249-260.

38. Servicio Paz y Justicia (SERPAJ). Uruguay nunca más: Human Rights Violations, 1972–1985. Philadelphia, Temple University Press, 1992, 360 p.

Элина Зизева

39. Perelli C. Putting Conservatism to Good Use: Women and Unorthodox Politics in Uruguay from Breakdown to Transition. *The Women's Movement in Latin America: Feminism and the Transition to Democracy*, Boston, Unwin Hyman, 1989, pp. 95-113.

40. Jackson G. People's prison. Newton Abbot Devon, Readers Union, 1974, 221 p.

41. Jackson G. Surviving the Long Night: An Autobiographical Account of a Political Kidnapping. New York, The Vanguard Press, 1974, 225 p.

42. Bruns, T., Habersetzer, Á. Siempre voy a ser tupamara. La vida de Yessie Macchi. Available at: http://www.assoziation-a.de/dokumente/La_vida_de_Yessie_Macchi.pdf (accessed 01.09.2020).

43. Tupamaros y gobierno: dos poderes en pugna, por L. Madruga, septiembre de 1970. Harari J. *Contribución a la historia del ideario del M.L.N. Tupamaros*. Montevideo, Editorial Plural, 1987, pp. 298-321.

44. Aldrighi C., Rosencof M. Memorias de insurgencia. Historias de vida y militancia en el MLN Tupamaros, 1965-1975. Montevideo, EBO, 2009, 456 p.

45. Saldaña-Portillo M.J. The Revolutionary Imagination in the Americas and the Age of Development. Durham, Duke University Press, 2003, 384 p.

46. Aldrighi C. La izquierda armada: ideología, ética e identidad en el MLN-Tupamaros. Montevideo, Ediciones Tricle, 2001, 240 p.

Elina V.Zizeva (elina.zizeva@gmail.com)

Postgraduate student at the Department of Modern and Contemporary History, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

Lomonosovski prospect, 27, 119192 Moscow, Russian Federation

Woman in the urban guerrilla: gender problem and the Tupamaros Movement in Uruguay (1962—1972)

Abstract. The Tupamaros Movement in the 1960s — early 1970s, despite its military nature, stood out among the rest of the left Uruguayan organizations by high participation rate of women. That means that the movement was attractive to the politically active women. This article is the first in Russian historiography attempt to throw light on the situation of women in the Tupamaros Movement. This work analyzes structures of masculinity and femininity in the discourse and practice of the movement. Gender is regarded as socially constructed phenomenon. The author reveals the principal causes of the joining of women in the organization, considers the revolutionary rhetoric of the group concerning the gender problem and compares this rhetoric with the practice. Furthermore, the article investigates the influence of the second-wave feminism on the Uruguayan public opinion and reveals the opinion of the Tupamaros' men and women on this socio-political current.

Key words: Tupamaros, New left movements, Uruguay, feminism, guerrilla, left-wing movements.

DOI: 10.31857/S0044748X0012772-8

Received 29.09.2020.